

Цзян Цяо ничего не сказал, серьёзно глядя на экран с повтором. Заместитель режиссёра рядом улыбался. Чжан Кайсин, ждавший внизу, украдкой показал Тан Сю большой палец. Ху Гуанжань подбежал, усмехнувшись:

— Наверняка всё в порядке! Обычно ты не очень разговорчив, а играть наивного и беззаботного простачка у тебя получается совсем не неловко. Круто, круто.

Тан Сю в ответ лишь улыбнулся, отвел взгляд и продолжил смотреть на Цзян Цяо.

Все были впечатлены, но он смутно чувствовал, что Цзян Цяо не пропустит этот дубль с первого раза.

Так и вышло. Цзян Цяо несколько раз просмотрел повтор, нажал на паузу и подозвал Тан Сю поближе.

— Смотри сюда. Второй взмах ногой в воздухе слегка дрогнул. Хотя при воспроизведении это лишь мелькает, в целом это нарушает плавность.

Цзян Цяо несколько раз медленно прокрутил эту секунду, показывая Тан Сю. Чжан Кайсин и другие тоже подошли, посмотрели, и Чжан Кайсин цокая языком, сказал:

— Такую мелочь режиссёр заметил.

Он невольно оглянулся на Чэнь Биня. Все они были привычными для Цзян Цяо актёрами и могли заметить, что его требования стали ещё строже.

Не говоря уже о Тан Сю, новичке, — даже актёры, которые снимались у Цзян Цяо много раз, наверняка бы прошли такой кадр с первого дубля. Раньше Цзян Цяо при малейшем недовольстве начинал резко и громко ругаться, но сегодня всё было иначе. Хотя его тон был мягким, уровень придирок поднялся на ступень выше.

Чжан Кайсин заколебался. Он боялся, что Тан Сю расстроится, и уже собирался что-то сказать, чтобы сгладить ситуацию, как вдруг Тан Сю спокойно произнёс:

— Я понимаю, о чём вы говорите. Тогда ногу свело. Ничего страшного, я сделаю ещё раз.

Цзян Цяо кивнул, совершенно не чувствуя себя виноватым за то, что заставляет человека мучиться, снова сел за экран монитора и через рацию дал указания всем отделам приготовиться.

Этот кадр Тан Сю снял шесть раз, прежде чем он был принят.

В итоговом, принятом дубле, даже при трёхкратном замедлении, все движения были цельными и плавными, без малейшей ошибки. Требовательность и придирчивость Цзян Цяо достигли невиданного уровня. Даже привыкшие к нему актёры смотрели с внутренней дрожью, молча беспокоясь, что и их будут переснимать снова и снова.

У Тан Сю в этот день почти все сцены были с боями. Каждый кадр Цзян Цяо отправлял на NG, разбирая по кадрам, выискивая мельчайшие детали, — у наблюдателей нервы были на пределе. Однако после такого дня все невольно вновь пересмотрели своё мнение о Тан Сю.

Этот молодой человек был очень устойчив. Его не выводили из равновесия даже многократные пересъёмки. К вечеру физические силы явно начали сдавать, но энергия юношеского задора

перед камерой всё ещё была через край, состояние только улучшалось. Как выразился Ху Гуанжань — «устойчив, как старый пёс».

Из-за того, что Тан Сю постоянно переснимали, несколько главных актёров сели ужинать только в половине одиннадцатого вечера. Однако никто не жаловался. Напротив, старшие коллеги в один голос хвалили Тан Сю. Тот с улыбкой отшучивался, но было видно, что он уже на пределе — лицо стало землистым.

Чжан Кайсин был среди этих актёров самым бесстрашным перед Цзян Цяо. Ссылаясь на свой возраст, он пожаловался, что режиссёр слишком жесток к новичкам. Цзян Цяо ничего не сказал. Но когда все закончили ужинать и разошлись, он переложил почти нетронутые сладкие свиные рёбрышки и жареные свиные отбивные из своей коробки в миску Тан Сю.

Поглощая еду, Тан Сю поднял на него глаза. Цзян Цяо был бесстрастен и лишь произнёс:

— Поешь побольше.

Тан Сю улыбнулся:

— Хорошо.

Вечером, выйдя из душа, Тан Сю наконец в полной мере ощутил, что такое изнурительные тренировки.

Горячая вода, проникающая в поры, приносила мимолётное облегчение, но после высыхания всё тело ломило. Он вытянулся на кровати, чувствуя, что поясница болит так, будто ей сделали подмену.

Снова постучали в дверь.

На этот раз Тан Сю интуитивно понял, кто это. Он даже не встал с кровати, крикнув:

— Не заперта!

Цзян Цяо вошёл, держа в руках тугой свёрток из полотенца, который шуршал при ходьбе — внутри был лёд.

Он больше не носил своё дневное «режиссёрское лицо». Подойдя, он протянул Тан Сю свёрток со льдом:

— Приложи это к пояснице, аккуратно, не дави. Не держи долго, чтобы не застудить почки.

Тан Сю сказал:

— Оставьте там. Мне лень двигаться.

Цзян Цяо фыркнул со смешком:

— Впервые вижу актёра, который, получив небольшую нагрузку, начинает капризничать перед режиссёром.

Тан Сю ответил:

— Взаимно. Я тоже впервые встречаю такого придирчивого режиссёра.

Цзян Цяо приподнял бровь. Услышав, что его назвали придирчивым в лицо, он почему-то совсем не рассердился.

Он вздохнул:

— Лёд скоро растает. Может, я помогу?

Тан Сю промолчал. Он молча взглянул на Стяг сбора душ, который снова повесил у изголовья кровати, и подумал: «Лучше не надо».

Вдруг во время массажа Стяг внезапно начнёт раскачиваться — и тогда ему действительно будет нечем объяснить Цзян Цяо этот паранормальный случай.

Поэтому он покорно поднялся, взял у Цзян Цяо полотенце и начал через пижаму небрежно прикладывать его к пояснице.

В комнате воцарилась тишина. Один молча «массировал» себя, другой молча наблюдал за этим процессом.

Цзян Цяо как раз собирался завести разговор, как из-за неплотно закрытой двери из глубины коридора донёсся тяжёлый, грохочущий звук — будто что-то массивное разбилось.

Звук был очень громким, заставляя вздрогнуть.

Тан Сю остановил руку:

— Из какой комнаты?

Звук доносился с правого конца коридора. Цзян Цяо прикинул расположение комнат:

— Чэнь Бин.

Тан Сю тут же швырнул «заботливое» ледяное полотенце на пол:

— Я пойду посмотрю.

В обычной ситуации на разбившуюся вещь никто не обратил бы внимания. Но Чэнь Бин уже вызвал у него подозрения вчера. Да и звук, хоть и не был сокрушительным, оказался отнюдь не маленьким.

Когда Тан Сю подбежал к двери комнаты Чэнь Биня, тот как раз выходил, держа в руках совок с кусками чёрной тушечницы. Чернила стекали по совку, и в воздухе витал характерный запах туши.

Тан Сю ещё не успел ничего сказать, как дверь напротив тоже открылась. Вышел Ху Гуанжань с растерянным лицом:

— Что только что было?

Чэнь Бин поспешно замахал руками:

— Ничего, ничего! Я случайно уронил тушечницу. Простите, что побеспокоил всех?

Ху Гуанжань кивнул:

— А, нет. Я ещё не спал. Просто услышал шум через наушники и вышел посмотреть. Раз ничего — и ладно.

Тан Сю спросил:

— Вы привезли тушечницу на съёмки?

— Да, — Чэнь Бин смущённо улыбнулся. — В тридцать с лишним лет всё ещё слишком суетлюсь. Практикую иероглифы по прописям — успокаивает.

— Вот как... — Тан Сю взял у Чэнь Биня метлу. — Вы идите выбросите, я подмету.

Чэнь Бин поспешно отказался:

— Не надо, не надо. Как это можно?

— Ничего страшного, — улыбнулся Тан Сю. — Я всё равно без дела. Раз уж прибежал, то хоть что-то сделаю, а то неловко.

Он ожидал, что Чэнь Бин продолжит отказываться, но тот не стал:

— Ну, раз так... Спасибо тебе.

Он, говоря это, между делом приоткрыл дверь пошире для Тан Сю, а сам повернулся и пошёл к мусоропроводу.

Тан Сю был удивлён. Взяв метлу, он вошёл в комнату. На полу действительно оставалось много осколков тушечницы. На столе были разложены прописи и листы рисовой бумаги. Тан Сю подметал пол, поглядывая на стол. Там были представлены разные стили письма: скоропись, устав, а также полускоропись.

Эти иероглифы были не обведёнными по контуру прописям, а срисованы с образцов. Каждый стиль был передан очень живо, видно, что рука была поставлена.

У того, кто писал те письма, также была сильная способность подражать почерку. Таким образом, Чэнь Бин снова попадал под подозрение.

Вернувшись, Чэнь Бин увидел, что Тан Сю смотрит на стол в задумчивости:

— Как тебе мои иероглифы?

— Очень красиво. Вы ещё и каллиграфией занимаетесь — это впечатляет.

Чэнь Бин достал несколько влажных салфеток, присел на корточки и начал тереть пролитые чернила, вздыхая:

— В детстве я учился каллиграфии целых десять лет. Если бы в семнадцать не упрямылся и не поступил в киноинститут, отец собирался растить из меня мастера каллиграфии.

Его иероглифы действительно были мастерскими — не такими, какие мог бы вывести любитель. Тан Сю снова бросил взгляд на разложенные прописи:

— Вы очень точно подражаете.

— Эти стихотворения — классические образцы для прописей, я их копировал много-много раз,
— небрежно заметил Чэнь Бин.

— Понятно.

Тан Сю помог Чэнь Биню слегка протереть комнату и, не позволив тому проводить себя, распрощался. Переступив порог комнаты, он услышал, как дверь напротив захлопнулась.

Звукоизоляция в общежитии съёмочной группы была отвратительной. Даже после закрытия двери Тан Сю отчётливо слышал шаги Ху Гуанжана.

От двери вглубь комнаты — насколько это было поспешно, настолько же и нервно.

(Примечания к главе отсутствуют)

<http://bllate.org/book/16171/1449839>